

А. Ю. Кошевская

МГЛУ, Москва, Россия. castrensiana@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОСОДИИ НЕГРЕЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Статья посвящена просодическим особенностям заимствований негреческого происхождения в латинском языке, а именно финикийским антропонимам и кельтским антропонимам и топонимам. Сравнение просодии финикийских и кельтских заимствований позволяет выявить выраженную тенденцию к просодической адаптации лексем вплоть до нарушения этимологических долгот; на основании полученных данных выдвигается гипотеза о метрической модели дактиля/кретика [– ∪ x], универсальной для большинства заимствований.

Ключевые слова: просодия, латинский язык, заимствования в латинском языке, финикийский язык, кельтские языки, метрика, дактиль, кретик.

Anna Y. Koshevskaja

Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia. castrensiana@mail.ru

Changes in the prosody of non-Greek loanwords in Latin

The article is dedicated to the features of non-Greek loanwords' domestication in Latin. The research focuses on proper names from Phoenician and Celtic, primarily anthroponyms and toponyms, for they were exposed to a much weaker influence of colloquial Latin language than common nouns, and therefore this category of loanwords underwent minimal distortion in course of their domestication. Comparative analysis of Phoenician and Celtic loanwords reveals a strong tendency to prosodic adaptation, up to the violation of their etymological prosody; such violation is especially typical for Punic proper names. Based on these data, a hypothesis is put forward, according to which the metrical model of dactylus [– ∪ ∪] or creticus [– ∪ –], typical for Celtic loanwords and noticed in Phoenician ones, is general for all non-Greek loanwords in Latin.

Keywords: prosody, Latin, loanwords in Latin, Phoenician, Celtic, metric, dactylus, creticus.

---

¹ Автор выражает особую благодарность члену Императорского Православного Палестинского общества Дмитрию Александровичу Морозову за консультацию и ценные замечания, касающиеся исторической фонетики семитских языков.

При изучении истории латинского языка ценным материалом являются заимствования, для которых легче всего проследить все этапы их освоения на всех языковых уровнях. В этом отношении особый интерес представляют заимствованные имена собственные, и прежде всего антропонимы и топонимы. Этот разряд заимствований лучше сохраняет характерные черты языка-источника, что делает его ценным источником для исследований в исторической ареальной лингвистике (Kazansky 2022: 167). Однако, с другой стороны, изучение накопленных изменений в фонетике и просодии заимствованных имен собственных позволяет глубже исследовать языковые законы латинского языка: в то время как нарицательные имена подвергаются сильному влиянию повседневного языка², имена собственные, не имея для себя аналогов и базы в языке, подвергаются только тем изменениям, которые являются минимальными для адаптации к системе языка.

Следует особо отметить, что стратегии фонетической передачи заимствований (в особенности неиндоевропейских) различались в латинском и древнегреческом языках: если в древнегреческом наблюдается выраженная тенденция к сохранению фонетического облика слова вплоть до его транскрипции греческими буквами, что зачастую приводит к нарушению греческой фонотактики даже в случаях, когда слово заимствуется через латинский³ (Davydov 2020: 969–970), то латинский язык стремится к доместикации заимствования как в морфологии, так и в фонетике.

1. Финикийские заимствования

Финикийский язык (равно как и другие семитские языки) не оставил в латинской лексике существенного следа: так, Н. Н. Казанский отмечает всего шесть лексем (из которых некоторые

---

² Характерным примером такого влияния может служить вариативность латинского слова ‘задаток’ (*arr(h)ā, arr(h)ābō, постопеч. rābō*) (Kazansky 2022: 172) заимствованного из семитского *ʿrb* через греческое *ἄρραβών* (Beekes 2010: 139–140).

³ Разумеется, эта особенность древнегреческого языка является лишь тенденцией, а не строгим правилом (так, имена *Ἀννίβας* ‘Ганнибал’ и *Ἀσδρούβας* ‘Гасдрубал’, заимствованные непосредственно из финикийского, адаптированы к греческой фонетике и морфологии, в то время как имя *Ἀδάρβαλ* ‘Адарбал’ заимствовано с нарушениями, что говорит о сильном влиянии латинского как языка-посредника (Davydov 2020: 970).

представляют собой стилистические варианты одного и того же слова) семитского происхождения, проникших в латинский язык из финикийского (Kazansky 2022: 172). Вполне возможно, такая лингвистическая ситуация была спровоцирована стремлением римлян к изоляции от финикийской культуры. Весьма показательной в этом отношении кажется комедия Плавта «Пуниец», некоторые реплики которой написаны на литературном финикийском языке: то есть, хотя пародия на речь финикийцев или же смешение финикийской и латинской лексики в речи персонажей могли бы стать сильным приемом, создающим дополнительный комический эффект, Плавт сознательно избегает этой стратегии, максимально дистанцируясь от персонажей-пунийцев, несмотря на в целом положительное отношение к ним (Franco 1996: 425–426)⁴.

Отношение римлян к финикийскому языку мало изменилось и впоследствии. Исследуя латинские надписи североафриканского региона, датированные I–V вв. н. э., Чарльз Геберль отмечает, что четких правил фонетической передачи финикийской лексики в латинском языке не было даже в поздней античности (Häberl). Это свидетельствует о том, что употребление финикийских слов в латинской речи не носило системного характера. Тем не менее, Геберлю удалось сформулировать общие закономерности передачи финикийских слов знаками латинского алфавита, как, напр., отпадение финальных придыхательных (напр., *hnmqlrt^h [hāmmilqart^h]⁵ > Hāmilcār⁶*) или же сохранение долгот гласных вплоть до преобразования в

⁴ По мнению Ч. Крахмалкова, целью Плавта было создание комического эффекта за счет абсурдного перевода реплик Мильфием (Krahmalkov 2001: 24); однако этой гипотезе противоречит предположение самого Крахмалкова о финикийском (не римском) источнике реплик Ганнона (Krahmalkov 2001: 25–26), а также необходимость владения зрителем финикийским языком, который, в таком случае, оставил бы существенно больший след в латинской лексике.

⁵ Здесь и далее финикийская лексика приводится по работе Ч. Геберля; Геберль не признает общепринятую этимологию имени ‘Гамилькар’ из **hmlqrt^h [hāmilqart^h]* ‘брат Мелькарта’, так как в таком случае лабиализация гласного первого слога сохранилась бы и в латинском, и предлагает этимологию ‘милость Мелькарта’ по модели ‘милость + имя божества’ (по аналогии с *hnbʕl [hānnībaʕl]* ‘Ганнибал («милость Ваала»)’) (Chantonnet 1995: 206–207).

⁶ Здесь и далее просодия латинских слов приводится по OLD.

дифтонг или геминации согласных после долгих слогов (напр., *?dn [?ädünī] > donnī⁷ (Plaut. poen. 1001)*).

В свете этих соответствий довольно странной кажется просодия имен карфагенских полководцев Гасдрубала и Ганнибала в латинском языке. Для имени *hnbfl* 'Ганнибал' особенно важным является то, что в латинском языке оно имеет два просодических варианта (*Hannibālis* (Enn. var. 13; Varr. Men. 213⁸) и *Hannibālis* (passim, включая Энния и Варрона)); немаловажно, что для имени *szrbfl* 'Гасдрубал', имеющего сходную этимологию от корня *bfl* 'Ваал; господин', в латинском языке отмечен только один просодический вариант *Hasdrübāl* (Hor. carm. IV 4, 72). Вероятнее всего, этимологической следует считать долготу слога *-bāl* в обоих именах, который вскоре сократился в результате некоего фонетического процесса⁹. Но как обстоит дело с долготой других слогов?

Если судить по закономерностям передачи финикийских слов в латинских надписях, предпоследние слоги обоих имен также должны быть долгими: так, латинская *u* соответствует

⁷ Гласный последнего слога слова *donnī* в тексте комедии элидируется; долгота указана согласно общей тенденции к сохранению долгот (Häberl).

⁸ О том же, ссылаясь на Валерия Проба, свидетельствует и Авл Геллий: *Is 'Hannibālem' et 'Hasdrübālem' et 'Hamilcārem' ita pronuntiabat, ut paenultimam circumflecteret, et est epistula eius scripta ad Marcellum, in qua Plautum et Ennium multosque alios ueteres eo modo pronuntiasse affirmat, solius tamen Ennii uersum unum ponit ex libro, qui Scipio inscribitur. Eum uersum quadrato numero factum subiecimus, in quo, nisi tertia syllaba de Hannibalis nomine circumflexe promatur, numerus clausurus est.* (Gell. IV 2) «Он (Валерий Проб — А. К.) произносил 'Hannibālem', 'Hasdrübālem' и 'Hamilcārem' с обличенным ударением на предпоследнем слоге; есть его письмо к Марцеллу, в котором он свидетельствует, что так же произносили и Плавт, и Энний, и многие другие из старшего поколения. Он приводит, впрочем, только один стих из сочинения Энния, которое считается его трагедией «Сципион»: этот стих, очевидно, написан восьмистопным ямбом, в котором, ежели третий слог в имени Ганнибала не будет определен как циркумфлексный, не будет соблюден размер» (*пер. автора статьи*).

⁹ Лейманн полагает, что сокращение **-bāl > -bāl* было вызвано общим правилом сокращения конечного закрытого слога, распространившегося в на всю парадигму (Leumann 1977: 111); однако не исключено, что двоякая просодия в латинском отражала разные этапы процесса утраты *ʕ* в финикийском.

финикийским *ī или *ō, т. е. *Hasdrubāl* < [**ʕazrūbʕal*] (Häberl); а вот финикийский краткий *ī в латинском языке, как правило, передавался буквой *e* (Chantonnet, Hawley 2020: 308-309), а потому в имени *Hannibāl* мы также должны предполагать долгий предпоследний слог.

С другой стороны, в таком случае не совсем ясно, по какой причине мы имеем цепочку просодических превращений *Hannībāl > *Hannibāl* > *Hannībāl* и, по аналогии, *Hasdrübāl > *Hasdrübāl > *Hasdrübāl*. Точнее, причины сокращения последнего слога довольно легко объясняются как языковой аналогией, так и поддержкой поэтического языка, для которого более удобна дактилическая структура слова; но почему сократился предпоследний слог? Равным образом довольно странной кажется просодия имени *hnmqlrt^h* [*hāmmilqart^h*]¹⁰ > *Hāmilcār* ‘Гамилькар’, точнее, утрата геминации и потеря долготы в корне *hn* [*hannā*] ‘милость’ (заметим, что геминация и долгота слога сохранилась в имени *hnbʕl* *Hannībāl* и в слове *ʔdn* [*ʔādūnī*] > *donnī*). Другими словами, вместо ожидаемых результатов в латинском *Hannībāl [---], *Hasdrübāl [---], *Hāmmilcar [---] мы имеем *Hannībāl* [- ∪ ∪], *Hasdrübāl* [- ∪ ∪], *Hāmilcār* [∪ - ∪]. Наиболее вероятной причиной такой просодической адаптации кажется стремление латинских слов к некоей эвритмичности, проявляющейся в дактилической просодии – возможно, под влиянием поэтической речи.

2. Кельтские заимствования

Заимствования из кельтских языков представлены в латинском языке гораздо шире и затрагивают не только сферу имен собственных, но и обиходную лексику. Не будем касаться тех, которые относятся к разряду имен нарицательных по уже указанным причинам.

В просодии кельтских имен собственных обнаруживаются похожие проблемы. Так, группа топонимов с элементом *-rīges* дает двойкие результаты, напр. *Bītūrīges* > *Bourges* (<*Bītūrīges*) /

¹⁰ Здесь и далее финикийская лексика приводится по работе Ч. Геберля; Геберль не признает общепринятую этимологию имени ‘Гамилькар’ из **hnmqlrt^h* [*hāmmilqart^h*] ‘брат Мелькарта’, так как в таком случае лабиализация гласного первого слога сохранилась бы и в латинском, и предлагает этимологию ‘милость Мелькарта’ по модели ‘милость + имя божества’ (по аналогии с *hnbʕl* [*hannībaʕl*] ‘Ганнибал (‘милость Ваала)’ (Chantonnet 1995: 206–207).

Berry (< *Bītūrīges*) или *Cātūrīges* > *Chorge* (< *Cātūrīges*) / *Chery* (< *Cātūrīges*). Большинство кельтологов объясняют столь разные результаты позицией ударения, тяготеющей в бриттском языке к предпоследнему слогу, а в галльском — к третьему от конца (Holder 1896: 434, 859; Koch 1987: 146); о тесной связи долготы и ударения в кельтских языках довольно подробно пишет В. А. Дыбо (Dybo 2016: 44). С другой стороны, не вполне ясно, почему в галльском языке античного периода ударение сместилось с долгого предпоследнего слога – а мы, несомненно, имеем дело именно с передвижением, так как латинский материал однозначно свидетельствует о долготе предпоследнего слова в топонимах *Bītūrīges* и *Cātūrīges* (AKSS). Но если принять, что указанное передвижение ударения и изменения в просодии касались не только галльского языка, а в большей степени латинского языка галльской провинции, то объяснить это передвижение становится гораздо проще: в латинском языке I в. н. э. наметилась стойкая тенденция к баритонезе, отмеченная многими римскими грамматиками (GL V 248, 292, 392 Keil) и особенно характерная для многосложных слов (Belov 2015: 151–159)¹¹. Но если речь идет именно о латинском языке, то передвижение места ударения играет совершенно небольшую роль в просодии слова, так как в классической латыни, в отличие от кельтских языков, ударение и долгота слога – явления взаимосвязанные, но не взаимообусловленные.

В этой связи важно отметить, что дактилическую просодию, подобную финикийским заимствованным именам, легко найти и в кельтских антропонимах: *Ambīōrīx*¹² [– ∪ ∪ –], *Cingētōrīx* [– ∪ ∪ –], *Dīvitiācus*¹³ [– ∪ ∪ – x], *Indūtīōmārus*¹⁴ [– – ∪ ∪ – x]. Та же просодия характерна и для гидронимов типа *Sēquāna* [– ∪ x], *Mātrōna* [– ∪ x], а также уже приведенных топонимов *Bītūrīges* [∪ ∪ – x] и *Cātūrīges* [∪ ∪ – x]. Другими словами, для заимствованной лексики в латинском языке кажется характерной дактилическая просодия, что в целом соотносится с просодической структурой латинского языка в целом (Belov

¹¹ Учитывая, что смещение ударения отражено только в тех кельтских топонимах, территория которых подверглась наибольшей романизации, весьма вероятной причиной кажется именно влияние латинской просодии на галльскую.

¹² Здесь и далее просодия приводится по AKSS.

¹³ *Dīvitiācus* (L&S).

¹⁴ *Inducīōmārus* (Gaffiot).

2015: 120–146); но разумеется, говорить о дактиле как об универсальной просодической модели освоения заимствований можно лишь как об общей тенденции, а не как о строгом правиле. Тем не менее гипотеза о стремлении нелатинских слов к дактилической просодии позволяет, с одной стороны, объяснить просодические изменения финикийских антропонимов, а с другой — отсечь сомнительные просодические варианты некоторых заимствованных имен.

Так, для имени вождя гельветов Оргеторига в латинских словарях представлены такие просодические варианты:

Orgētōrīx (L&S, OLD);

Orgētōrīx (Gaffiot);

Orgētōrīx (AKSS, Georges).

Не вполне ясно, почему словари L&S и OLD последовательно обозначают просодию кельтских имен на *-rīx* с кратким *ī*, что противоречит как этимологии имен, так и данным латинского языка. Однако для просодического варианта *Orgētōrīx* приводится эпиграфическое обоснование: на одной из галльских монет была обнаружена надпись <O>RCHTI<R>[IX] и, так как греческая буква *Ηη* соответствует долгой *ē*, на этом основании была предложена транскрипция имени [*orgētōrīx*].

Рис. 1. Галльская монета с изображением Оргеторига и надписью <O>RCHTI<R>[IX], послужившая основанием для предложения просодии *Orgētōrīx*.

Однако такая интерпретация кажется довольно сомнительной, ибо она не подтверждается данными кельтской этимологии; употребление буквы *Ηη* можно объяснить *позиционной* долготой гласного, находящегося в ударной позиции (Dubo 2016: 44), и потому касается только галльской, а не латинской просодии. Что же касается долготы этого слога в латинском языке, то он, в соответствии с предложенной гипотезой о

стремлении заимствований к дактилической просодии, должен считаться кратким, т. е. *Orgētorīx* [– ˘ ˘ –], что и подтверждается большинством словарей (в т. ч. L&S и OLD).

Таким образом, предлагаемая гипотеза об универсальной дактилической модели освоения заимствований в латинском языке оказывается вполне подходящей для объяснения некоторых языковых фактов, интерпретация которых ранее вызывала затруднения; однако следует учитывать, что в рамках данной гипотезы допускается нарушение этимологических долгот языка-источника, что создаёт для исследователя *circulus uitiosus* и существенно осложняет изучение истории как латинского, так и прочих древних языков.

Список сокращений

- AKSS: Holder A. *Alt-celtischer Sprachschatz*. Bde. I-IV. Leipzig, 1896.
CIL: Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1863 - ...
Gaffiot: Gaffiot F. *Dictionnaire illustré latin-français*. Paris, 1934.
Georges: Georges K. E. *Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch*. 2 Bde. Hannover, 1913.
L&S: Lewis C. T., Short C. A Latin Dictionary. Oxford, 1879.
LSJ : Liddel H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
OLD: Glare P. G. W. Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.

Литература

- Beekes 2010: Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden, Boston.
Belov, A. M. 2015: *Drevnegrecheskaya i latinskaya prosodika (mora, udarenie, ritmika)* [*Ancient Greek and Latin Prosody: mora, accent, rhythmic*]. Moscow.
Белов, А. М. 2015: *Древнегреческая и латинская просодика (мора, ударение, ритмика)*. М.
Chantonnet, F. B. 1995: Quelques remarques sur l'onomastique des Phéniciens d'après les inscriptions Grecques. In: *Actes du IIIe Congrès international des Études Phéniciennes et Puniqes*. Vol. I, 203–210.
Chantonnet, F. B., Hawley, R. 2020: Phoenician and Punic. In: *A Companion to Ancient Near Eastern Languages*. Hoboken, 297–318.
Davydov, T. G. 2020: [Ancient Greek words violating the word end rule]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [*Indo-European linguistics and classical philology*] 24 (1), 964–972.

- Давыдов, Т. Г. 2020: Лексика, нарушающая правило конца греческого слова. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24 (1), 964–972.
- Dybo, V. A. 2016: [Proto-Celtic accent system against the background of other north-western Indo-European languages]. *Voprosy yazykovogo rodstva [Journal of Language Relationship]*. № 1 (14), 29–57.
- Дыбо В. А. Акцентная система пракельтского языка на фоне акцентных систем других северо-западных индоевропейских языков. *Вопросы языкового родства*. № 1 (14), 29–57.
- Franco 1996: Franco G. F. The Characterization of Hanno in Plautus' Poenulus. *The American Journal of Philology*. Vol. 117, №3, 425–452.
- Häberl, C. G. A *Question of Orthography: the Latino-Punic Inscriptions* [электронный ресурс]
- Holder A. 1896: *Alt-celtischer Sprachschatz*. Bde. I–IV. Leipzig.
- Kazansky, N. N. 2022: *Problemy leksikologii latinskogo yazyka [Problems of Lexicology of Latin Language]*. Saint Petersburg.
- Казанский, Н. Н. 2022: *Проблемы лексикологии латинского языка*. СПб.
- Koch, J. T. 1987: Prosody and the Old Celtic verbal complex. *Ériu* XXXVIII, 141–176.
- Krahmalkov, C. R. 2001: *A Phoenician-Punic Grammar*. Leiden.
- Leumann, M. 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München.
- Segert, S. 1997: Phoenician and Punic Phonology. In: *Phonologies of Asia and Africa (including Caucasus)*, II. Winona Lake, 55–64.